

История пяти КВ

Изложение очерков военкора А. Полякова «От Урала до Старой Руссы», опубликованных в газете «Красная звезда» в феврале-марте 1942 года.

Материал подготовлен в ноябре 2020 года администраторами сайта ant53.ru для публикации в нашей vk-группе.

Большую помощь при подготовке данного материала нам оказала публикация А.И. Ляпустина «От Урала до Старой Руссы» в сборнике «Ради мира на земле» (Челябинск, 1975).

В нашем изложении сохранены хронология событий очерков и оригинальный текст: он приведен в виде обширных цитат, к которым предпосланы наши вводные и связующие тексты. Разбивка на части и их названия – также наши.

В конце ноября 1941 года корреспондент «Красной звезды», батальонный комиссар Александр Поляков предложил главному редактору Ортенбергу сделать необычный репортаж о танках КВ – проследить путь танка и его экипажа от заводского цеха до передовых позиций на фронте. Получив согласие, он выехал в Челябинск, куда в то время из Ленинграда была эвакуирована часть Кировского завода, выпускающего тяжелые танки.

Командировка длилась почти два месяца. Военкор Поляков вместе с танкистами лейтенанта Астахова принимал и осваивал новые машины, а затем в качестве рядового члена экипажа выехал на фронт под Старую Руссу и участвовал в боевых действиях. Итогом поездки на Урал и на фронт стали восемь больших очерков под заглавием «От Урала до Старой Руссы: история 5-ти КВ». Газета «Красная звезда» печатала их в феврале-марте 1942 года. Тогда же, в 1942-м, они вышли отдельной книгой «Белые мамонты: история пяти КВ». Мы хотим напомнить эту историю...

Часть первая: Танкоград

В начале войны более двухсот предприятий оборонной промышленности, в том числе прославленный Кировский завод, были эвакуированы в Челябинскую область. На заводе, выпускающем танки, работало около сорока тысяч человек – ленинградцев-кировцев, москвичей, харьковчан, сталинградцев, челябинцев... И вскоре мирный город превратился в кузницу оружия, в Танкоград.

Фронт протянулся от Баренцева моря до Черного, и с каждого его участка просили: «Дайте танков! Больше танков!». Каждый танк был важен фронту. Это было время, когда

танки распределялись поштучно, и командир дивизии, получив два-три «КВ» – новых, мощных, страшных для фашистов машин – считал, что прибыло сильное подкрепление...

Вся надежда была на Танкоград.

Государственный Комитет Обороны дал задание в кратчайшие сроки наладить выпуск тяжелых танков и увеличить их производство. Срок установили невыполнимый: пятьдесят дней. Но первая машина сошла с конвейера в Танкограде через тридцать четыре дня. Люди работали так, что подгонять не надо было: каждый старался сделать за троих, четверых. И фронт получал машины сверх боевого задания.

Государственный Комитет Обороны командировал в Челябинск Климента Ворошилова. Воспетый в песнях «луганский слесарь, боевой нарком» прибыл в Танкоград, где увидел, как рождаются грозные танки КВ, его «однофамильцы» – «Клим Ворошилов».

Из очерка Полякова:

«Он поднялся на танк, названный его именем, и, обведя глазами притихший цех, сказал:

– Товарищи кировцы и уральцы! Товарищ Сталин говорит, что для окончательной победы над врагом нам нужно свести к нулю превосходство немцев в авиации и танках. Вы работаете над созданием танков, да еще тяжелых. Значит, в ваших руках победа, значит, от вас зависит приблизить или оттянуть час расплаты над врагом. Потому-то и просил меня товарищ Сталин передать вам, что фронт ждет от вас все больше и больше танков и такого же превосходного качества, какое они имеют сейчас.

Под аплодисменты и обихий одобрительный смех рабочих Ворошилов рассказал о том, какой ужас наводят на фашистов наши мощные танки «КВ».

– Перепуганные гитлеровцы прозвали их советскими «мамонтами». Так больше, товарищи, давайте советских «мамонтов»! Пусть орудиями они, как хоботами, достают, выковыривают и сметают фашистскую нечисть с советской земли.

В моторном цехе произошла интересная встреча. Проходя между станками, Ворошилов увидел около одного из них старого мастера. В синей куртке, с измерительными приборами в боковом кармане старик выделялся своим суровым лицом и большими черными усами.

– Послушай, дружище, – обратился к нему Ворошилов, – не Худяков будешь?

– Я самый, товарищ Ворошилов!

– Ах, усач ты этакий, как сюда попал?

– Моторы к танкам делаем. С Украины эвакуированы.

Худяков – старый член партии, партизан, долгое время был в отряде Ворошилова. Маршал и мастер вспомнили, как однажды на Украине они отстреливались из грузовика от беляков.

– Так вот, снова времена боевые наступили, нажимать надо, – говорит Ворошилов.

– С полным удовольствием, – отвечает Худяков, – только бы вот туда, на фронт, поближе.

– Я тебе дам на фронт. Отставить такие разговоры. А здесь разве не фронт?

– Оно верно, конечно. Только больно хочется своими руками немца процупать.

– Ничего, есть помоложе тебя, пусть прощупывают. Поди, у самого есть кто-нибудь там?

– Как же, сын Василий! Танкист на «КВ».

– Так чего же тебе, старый усач, еще надо? Отец танки делает, а сын на них дерется. Ты же молодец, да и только...

Танковый завод в военное время – это не просто производство, это второй воинский эшелон. Он кровно связан с передовыми частями. Мастер Худяков со своим сыном танкистом Василием друг друга не подведут!

Вот пять могучих танков. В их бронированной груди бьются сильные сердца – моторы, которым дают жизнь Худяков и его товарищи. Испытатели садятся в машины.

Гусеницы дрогнули, танки легко преодолели подъем и двинулись вперед – белоснежные, тяжелые и грозные. С лязгом и скрежетом они пошли на танкодром. Это как раз та пятерка «КВ»...

И вот уже пытит парами локомотив. Пятерка «КВ» на платформах. Еще немного – и броневой экспресс тронется в путь. Танкистов провожают танкоградцы, среди них мастер Худяков, офицеры Шестопалов, Новоторцев и Шевазудский, сотрудница заводской лаборатории Татьяна Фрунзе, дочь Михаила Фрунзе, и еще множество людей.

– Машину после испытаний в полной боевой готовности сдал! – рапортует старший бригадир орденосец Борисов.

– Машину в полной боевой готовности принял! – отвечает командир первого танка, командир всей пятерки лейтенант Астахов.

Рапортуют бригадиры Ковш, Соколов, Крюков, Ляшко. Директор завода Герой Социалистического Труда Зальцман крепко обнимает и целует Астахова...

Из очерка Полякова:

«Вот уже проносятся мимо нас большие и малые железнодорожные станции. Не везде успеешь прочесть их названия – так быстро идет поезд. Он мчится поистине как стрела. Среднесуточная скорость – 1000 километров. Телеграфные столбы перед глазами сливаются в одну сплошную гребенку. Мощный паровоз останавливается только на водоной».

По тем грозным временам 1000 километров в сутки – это означало, что все поезда стояли на боковых путях, уступая дорогу бронированному экспрессу. Означало, что где-то очень ждали эти танки.

Эшелон приближался к линии фронта. Позади – две с лишним тысячи километров, двое суток пути.

Слышна отдаленная артиллерийская канонада. Поезд проходит последний десяток километров. Танки уже заведены. Экипажи на своих местах.

Стоп-кран затормозил колеса. В ночном полумраке видна полевая разгрузочная платформа. Еще несколько минут, и машины, все до одной, на твердой земле...

Часть вторая: Ледовый железный марш

Пятерка КВ под командованием лейтенанта Астахова прибыла на фронт под Старую Руссу, где разворачивалась Демянская наступательная операция.

От места разгрузки нужно было еще совершить бросок до неприметной, утонувшей в сугробах деревушки – здесь сосредотачивались силы перед наступлением. Танки шли осторожно, с «оглядкой». Короткий остаток ночи отводился на маскировку – от немецкой утренней авиаразведки. «Малышам» было проще, а вот «КВ»...

Из очерка Полякова:

«Лейтенант Астахов стоял на окраине деревни.

– Это же не машины, а элеваторы какие-то, попробуй с ними найти себе место, – ворчал он, а сам отдавал танкистам приказания.

На спуске к речке, недалеко от деревни, Астахов заметил старую баню. Место очень удобное для боевого охранения деревни. Показывая на баню, он приказал лейтенанту Чиликину:

– Рядом с ней, конечно, нельзя, она уже, очевидно, засечена с воздуха. Садись прямо на нее».

Танк развернул одну из ее стен, влез носом внутрь, а кругом обложился бревнами.

Немецкие самолеты-разведчики, с утра прочесывавшие местность, ничего подозрительного не обнаружили: дома, как дома – курятся белым курчавым дымком.

И даже в голову не пришло фашисту, что среди них дымят трубы обогревательных печей КВ, выведенные из-под накинутаго на них белого брезента, изображающего крышу. А вокруг замаскированных КВ танкисты изобразили еще и «надворные постройки» из разного деревянного хлама.

Экипажи после нескольких суток езды и работы спали добрых полдня. Бдительно охраняли деревню одни часовые да дежурные по обогреву машин...

В бой танкистов Астахова бросили не сразу – дали время привыкнуть к фронтовой обстановке, уяснить расстановку сил, освоить местность. А фронтовым опытом делились с ними боевые парни-«кэвэшники» из соседней части. Почти что земляки – тоже брали танки в Челябинске. Танкисты-фронтовики помогали устанавливать обогревательные приборы, учили быстрому ремонту, мгновенной заправке горючим под огнем противника, тренировали с десантом...

Из очерка Полякова:

«Командование решило провести частичный обмен танкистами. Менее опытных отправили временно на боевую стажировку в часть Сегеды, а оттуда взяли настоящих боевиков, они принесут нам свой фронтовой дух и боевой опыт.

К Астахову прибыли на разные должности пять человек. Ефрейтор Большунов, имеющий до 200 часов вождения танка в боях, старший сержант Тендитный, водивший 28 раз свой танк в атаки, младший сержант Гордеев – таранных дел мастер, младший сержант Кононов – командир орудия, меткий артиллерист, боец Мащев – командир орудия, в боях участвовал более 20 раз.

Попала в это время танкистам инструкция фашистского командования по борьбе с нашими танками: «Тот факт, что противник применяет тяжелые танки, которые не могут быть подавлены немецкими танками, заставляет искать выход из этого положения... Немецкие танки же, предназначенные в нормальных условиях для того, чтобы в наступательном бою уничтожать танки противника, в настоящей войне не в состоянии выполнить эту задачу со своим прежним снаряжением, поэтому уничтожение сверхтяжелых танков является задачей пехотных ударных отрядов...»

Что ж, инструкция пошла на пользу. Изучили тактику «пехотных ударных отрядов», а заодно еще раз убедились в несокрушимости уральских «КВ».

Впереди у наших танкистов был Ильменский рубеж.

Озеро Ильмень с его естественными преградами – отличное прикрытие для войск, находящихся в обороне. Но этот рубеж еще с осени был в руках фашистов. За зиму они успели соорудить здесь мощный оборонительный район, растянувшийся на десятки километров к югу: доты и дзоты, окопы и минные поля, проволочные заграждения, минометные и орудийные батареи... И взять этот рубеж можно было, только совершив бросок по льду озера и рек, зайдя в тыл к противнику.

В ожидании приказа о форсировании Ильменя танкисты Астахова, встав на лыжи, отправились в разведку, в сорокакилометровый поход по озеру. Они изучали не только возможности передвижения прибрежными лесами, но и броска через ильменский февральский лед. Выдержит ли он тяжелые КВ? Полсотни тонн! Десять пудов на квадратный сантиметр льда! Одетые в белые халаты, танкисты тихо рубили лед, измеряли его толщину, выясняли глубину озера.

Боевой приказ поступил через сутки: «Совершить ночной бросок всем танковым батальоном по озеру Ильмень и впадающим в него рекам, зайти на 30-40 километров в глубину обороны противника и внезапно атаковать его основные силы с фланга в районе Старой Руссы».

Из очерка Полякова:

«Пятерка «КВ», сдвинувшись с места, будто заставила загудеть под собой землю. Было слышно, как задребезжали окна в хатах деревни, как застонали стволы деревьев, задетых выползающими машинами.

Бушевала метель. Она скрывала наше передвижение к исходному рубежу для наступления. Последняя остановка перед боем. Астахов вместе с помощником по технической части обходит танки.

Сняты чехлы с орудий и пулеметов, подготовлены снаряды, заложены диски. Противник может преждевременно раскрыть наш замысел, и тогда, хочешь-не хочешь, придется немедленно вступить в бой.

Танковая колонна пойдет с пехотным десантом. На головных машинах поедут подразделения саперов, которым предстоит уничтожить противотанковые мины.

...Десятикилометровый бросок, и под нами уже Ильмень. Тяжелый танк, на котором я ехал с пехотным десантом, осторожно вползает гусеницами на лед. Мы прыгнули и идем по сторонам. Старый Ильмень точно недоволен внезапным нарушением его покоя – он скрипит, кричит, как древний дуб под напором ветра. Тонкий звенящий треск коробящегося льда».

Бросок через Ильмень был удачным. Однако при переправе через первую же реку вышла заминка: лед здесь из-за течения гораздо тоньше и не выдержит тяжелых танков. А саперы не успели подготовить переправу – бревна были еще где-то на подходе.

Нашли выход – стали разбирать брошенные дома ближайшей деревни и буксировать бревна к переправе. Обрадованные саперы быстро наводили переправу: укладывали бревна и вмораживали их в лед. Вот уже прошли малые, за ними средние танки. Осторожно тронулись «КВ».

Появление на ильменском берегу советских танков и пехотных десантов было полной неожиданностью для противника. Немецкие артиллеристы «прозевали» наступление: полагались на свои дозоры и секреты, но ночью наши лыжники сняли их без единого выстрела.

Из очерка Полякова:

«Легко себе представить смятение противника. Немцам пришлось поворачивать орудия на 90 градусов влево и открывать огонь. На нашей переправе разорвались первые фашистские снаряды.

Астахов со своим танком находился уже на противоположной стороне. Лейтенант успел нащупать вражескую батарею и теперь с места открыл по ней огонь. Примеру командира последовали еще два-три танка. Батарея врага смолкла. Видимо, Астахов так удачно успокоил своим огнем немецких артиллеристов, что мы с полчаса двигались по новому болоту, уже подходили к третьей переправе, а батареи противника все еще не было слышно.

В лесу знакомым фронтовым концертом раздавался автоматный и пулеметный стрекот. Это вступили в бой наши передовые пехотные части, нанося неприятелю удары с фланга и с тыла.

Третья переправа была несложной... Далее – 7-8-километровый марш по топкому болоту.

Мелкие машины-разведчики с трудом прокладывали себе дорогу по еле застывшим кочкам. Они зарывались в груды торфа. Но рядом мелкоколесье и если бы... Если бы! Майор Максимов предложил Астахову смять мелкоколесье своими танками. Это и будет гать для легких. «Пригнем?», – спросил Дормидонтов у Тендитного. «И придавим! – ответил Тендитный. – «Мальшкам» за нами как по шпалам можно будет идти...»

Выскочившие на новый водный рубеж танкисты оказались перед лицом боя, шедшего на противоположном берегу – там фашисты сопротивлялись головным отрядам нашей пехоты. Но как переправиться и вклиниться в бой? Берега крутые, двадцатиметровые; если спускаться по откосам, с маху можно вылететь на лед и – на дно. О наведении переправы под таким огнем не могло быть и речи.

Решение танкисты приняли мгновенно: батальон разделился. Майор Максимов повел легкие танки без всякой переправы на помощь пехотинцам, а астаховские «КВ» заняли позицию на крутом берегу и прикрывали своим огнем переправу легких танков и поддерживали пехоту. Фашисты растерялись. Танки, советские танки здесь? Через болота, льды?

Под огнем саперы устраивали на льду настил. Сумерки. Пятерка «КВ» осторожно выходит на лед. Четвертая переправа...

Из очерка Полякова:

«Ровно сутки, как мы воюем. Никто еще не ел, да и не думал об этом. Главное закрепиться на новом рубеже. Фашисты уже побросали свои блиндажи, оружие, убитых и отошли.

Танкисты вылезают из машин, поправляют фуфайки, комбинезоны. Ни одного из них нельзя сразу узнать. Лица закопчены и замаслены. Ребята утомлены, но гонят от себя прочь мысль об отдыхе. Командир орудия Марченко вытаскивает из кассет загрязненные копотью гильзы. Дормидонтов тормозит вздремнувшего было водителя цистерн – поскорее заправку!

Два часа отдыха. Танкисты вполне достойны его. Чувствуют, что совершенно хоть и не самое главное, но очень большое – небывалый в истории ледовый мари танков...».

Часть третья: «Белые мамонты» в бою

«В последний час. Наши войска окружили 16-ю немецкую армию. Войска Северо-Западного фронта (командующий фронтом генерал-лейтенант Курочкин), начавшие в районе Старой Руссы окружение 16-й немецкой армии дней 10 назад, на днях закончили его. Ввиду отказа 16-й немецкой армии (командующий генерал-полковник фон Буш) сложить оружие, наши войска начали атаку. В результате первого этапа атаки разгромлены

290-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса (командующий генерал Брокдорф), 30-я пехотная дивизия 10-го армейского корпуса (командующий генерал Ганзен) и дивизия СС. Немцы оставили на месте 12 тысяч человек убитыми. В боях отличились войска генерал-лейтенанта т. Морозова, генерал-майора Грязнова и генерал-майора Берзарина» («Правда», 1942 год, 25 февраля).

Враг в кольце! Ломая его сопротивление, войска Северо-Западного фронта продолжают громить части 16-й немецкой армии, попавшей в окружение.

Вот в эти-то сражения, после отчаянного марш-броска по льду рек и Ильмень-озера, и попала пятерка КВ.

Подъем в наших частях царил необычный. Наконец-то, после долгого противостояния, удалось потеснить фашистов, и бойцы рвались в бой, чтобы закрепить успех.

Из очерка Полякова:

«Астахов загорелся.

– Настоящее дело, – с большим удовольствием говорил он.

Такими же торжествующими ходили и командиры остальных машин – Ефимов, Чиликин, Калиничев, Гомозов. Экипажи старались пошире открыть люки, чтобы явить всем свои хоть и чумазы, но довольные, улыбающиеся физиономии, перекинуться шуткой с друзьями из соседней машины».

Ночью, накануне назначенной на рассвете атаки, пришли цистерны с горючим и машины с боеприпасами. Работали на ощупь. Танкисты запасались снарядами с лихвой: забивали ими все свободные места. Готовились к сражению.

Немцев впереди не было видно – они в следующем селении вместе с резервными частями готовили новую линию обороны. Нужно, не давая им опомниться, ломать оборону и гнать дальше. Астахова с его пятеркой на первом этапе боя оставили во втором эшелоне. В резерве: определяют им участок сражения там, где будет труднее.

Перед рассветом легкие танки, сопровождаемые пехотинцами и автоматчиками, двинулись в бой. Условия сложнейшие – перед деревней чистое поле. Заработала противотанковая артиллерия фашистов, усилился минометный и автоматный огонь, заставивший залечь пехоту. Неприятель артиллерийским огнем отрезает танки от нашей пехоты, поднимает свои роты в контратаку. Вот она, решающая минута!

Из очерка Полякова:

«В воздух взвились две зеленые ракеты. Наконец-то долгожданный условный сигнал – вызов танкам «КВ» для участия в атаке. Из-за перелеска около дороги вырвались

развернутым строем и пошли вперед танки-крепости. Немцы было пробовали шквалом сплошного огня обрушиться и на них. Но где там! Эти сухопутные броненосцы неумолимо двигались вперед, невзирая на бушующее вокруг них огненное море разрывов.

Веселее стало нашей пехоте. Прикрываясь стальной грудью опередивших ее танков, она уже перекатами начала продвигаться дальше. На астаховской правофланговой машине взметнулся вверх белый диск люка. Три раза сверкнул красный флажок. Ага! Это значит – «третья машина, врываешься в деревню».

Третья машина – лейтенанта Чиликина – окуталась внезапно черным дымом. И вот стальная машина с легкостью танкетки помчалась на третьей скорости прямо в лоб к фашистам.

Сильный бинокль позволяет прекрасно видеть, как заматались в разные стороны ошеломленные вражеские артиллеристы. Они ведь стреляли, они попадали в «КВ», но это какое-то непробиваемое чудовище – оно уже близко – и вот-вот раздавит их своей тяжестью.

Танк врывается на околицу, делает разворот вправо и начинает давить фашистские противотанковые орудия вместе с уцелевшей в ровиках прислужгой. Танки врезались в расположение гитлеровской пехоты, только что пытавшейся переходить в контратаку, и теперь утюжили ее с фланга на фланг, вминая в снег не успевших отбежать бандитов.

Через четверть часа все пять «КВ» уже были в деревне и вместе с пехотой громили фашистов, застрявших в амбарах, на чердаках, и шли вперед. В следующих двух деревнях танкам не было оказано никакого сопротивления.

Атакующие части продвинулись вперед еще на пятнадцать километров. Машины подходили вплотную к крупному населенному пункту и железнодорожному узлу, который противник собирался защищать с особым упорством.

«КВ» получили на ходу новую задачу: клещами обхватить деревню и, не ввязываясь в бой, прорваться на пять километров, захватить железнодорожную и шоссеиную магистрали, по которым подтягивались колонны вражеских подкреплений.

Командир батальона майор Максимов садится в один из «КВ». Двумя машинами он будет обходить деревню слева, Астахов тремя – справа. Соединяются на дороге за деревней, в тылу у немцев. Вот и первый радиосигнал-донесение: «Деревню обошли, идем дальше».

Но вдруг на всю пятерку обрушилась артиллерия одного из селений, находящегося справа от дороги. Этого танкисты не ожидали. Ввязываться в бой – значит отказаться от выполнения задачи, имеющей армейское значение. Майор Максимов и Астахов снова разделились: две машины под командой майора уходят вперед, три под командой Астахова обрушиваются на деревню, мешающую продвижению.

Астахов командовал флажком, и тройка двинулась на деревню. Под стальными лапами белых гигантов дзоты, противотанковые пушки – все хрустит, как лесной валежник. Раздавлив по три-четыре дзота с десятками фашистов, застрявших в них, танки пустились вдогонку двум своим машинам.

Но они ушли далеко – перескочив через железную дорогу, рванули вперед по шоссеинной. А немцы как раз тянули по ней до полка мотопехоты.

С ходу встав поперек дороги, оба танка открыли беглый артиллерийский огонь. В это же время Астахов вел бой сразу на шоссе и железной дороге. Пять часов без передышки! Но ни один поезд, ни одна машина фашистов не прошли.

Из очерка Полякова:

«Героически дрался экипаж Калиничева. В составе звена сухопутных броненосцев Калиничев устоял под напором и артиллерии, и истребительных противотанковых фашистских отрядов. 18 раз Калиничев атаковал за день фашистскую пехоту и все-таки дорогу не отдал. Искусный водитель Дормидонтов выделял на поле такие головокружительные номера, гитлеровские наводчики не успевали ловить его на панораму»

Танкисты перехватили автомобильные и железнодорожные магистрали. Вскоре подоспели части пехоты.

Танкисты ликовали! Но экипажам КВ было не до торжества: из боя не вернулся сам командир роты лейтенант Астахов. Неужели погиб? В это никто не хотел верить. Однако ночь никаких известий не принесла...

Часть четвертая: Навеки в танковом строю

Мы оставили читателя на драматическом моменте: на исходе дня стало известно, что не вернулся из боя командир танковой роты КВ лейтенант Астахов...

А наутро снова бой. И экипажи четырех КВ – без астаховского танка – поведет комиссар батальона Харченко.

Танкисты доверяли ему всецело. 35-летний бывший слесарь из Донбасса, отмеченный орденом Красной Звезды и тяжелым осколочным ранением, комиссар Харченко был из тех политработников, что не только словом, но и делом – может машину в бой повести, может – командиром башни.

КВ целый день сражались на подступах к крупному населенному пункту, истребляя живую силу врага, пытавшегося несколько раз контратаковать наши войска.

Из очерка Полякова:

«Во время боя в башню танка Харченко ударил тяжелый снаряд. Он оглушил, даже контузил командира орудия и радиста. Тогда, чтобы не прекращался пушечный огонь по цели – крупному блиндажу, – комиссар сам стал за орудие и дал десяток выстрелов. Блиндаж умолк.

На левом фланге танки двинулись вперед вместе с пехотой штурмовать сильно укрепленный рубеж врага. Комиссар откинул верхний люк и, обращаясь к бойцам, выкрикнул на все поле:

– Вперед! За нами, храбрые пехотинцы!

Кругом рвались фашистские снаряды, и один из них со звоном грохнул по командирской машине. Люк сразу захлопнулся. Машина рванулась в атаку, и пехотинцы, видя, что комиссар повел их на штурм, с криками «ура!» ринулись за танками.

В двадцатиминутной схватке решил исход боя. Танки уже свободно дефилировали по немецким блиндажам и окопам, пехотинцы штыками выбивали фашистов. Потом наступило затишье.

– Комиссар-то, комиссар какой! Герой! — говорили бойцы.

Заглушены моторы. Танкисты показались из люков и стали снимать с себя кожаные шлемы. В сумеречной тишине прозвучали скорбные слова одного из командиров:

– Товарищи! Нет больше нашего комиссара...

Харченко был убит осколком в открытом люке в тот момент, когда призывал пехотинцев не отставать от танков. Люди видели, как белоснежная комиссарская машина, словно вихрь, врывалась в глубину вражеской обороны, сокрушая всё на своем пути. В танке лежало бездыханное тело Харченко. Механик-водитель Константинов понимал, что никто еще не знает о смерти комиссара – все думают, что он жив и показывает своим примером, как нужно драться. И механик-водитель, стиснув зубы, бросал машину в самые опасные места. За ним, за танком комиссара, следовали другие машины, и эта сила была столь неукротимой, что через час с лишним от укрепленного пояса остались лишь обломки...

Вечером хоронили Харченко. Троекратный ружейный салют. На разрушенных фашистских укреплениях взвился наш флаг. Константинов, сжав кулаки, сказал:

– Мы отомстим за комиссара!».

А на другой день после боя, еще поутру, танкисты слышали, что астаховцы живы.

Неизвестно, кто первый сказал это, но Поляков и ребята из пятерки побежали на командный пункт. На брезенте перед командиром сидели раненный в руку Приданников и водитель танка Астахова Тендитный. Вот что он рассказал...

Далеко на фланге вражеской обороны снарядом разбило ведущее колесо астаховского танка, и КВ закрутился на месте. Фашисты обрушили на него огонь всех батарей. Заглох мотор. Потом гитлеровцы пошли на неподвижную стальную крепость с гранатами и фугасами.

– Стрелять со ста метров! – приказал Астахов.

И в тот момент, когда в танк уже полетели было гранаты, танкисты открыли трехствольный огонь из пулеметов. Фашисты поползли. Их уничтожали по одному. Били несколько часов, и только наверняка – сэкономили патроны. Вечером, когда немцы стали отходить, Астахов послал к своим Киреева. С пятью гранатами тот выбрался из люка.

Занималось утро, но от Киреева не было никаких сигналов. Тогда Астахов послал к своим Приданникова и Тендитного. В «КВ» остались Астахов и Махалева...

Из очерка Полякова:

«К подбитому танку снарядили небольшую экспедицию из трёх человек, среди которых был и Тендитный. Она должна была выбрать подходы для буксировочных танков. Кроме того, поручили пробраться в самый танк с мешком продуктов для Астахова и Махалева. Майор Максимов написал Астахову записку: «Гордимся вашим поведением. Ночью или завтра эвакуируем. Держитесь. Будьте здоровы».

Тройка разведала подходы, но доставить продукты не удалось. Фашисты всю ночь вели сильный заградительный огонь. Танкисты заметили также, что они проводили вокруг подбитого танка какие-то странные инженерные работы. Что бы это значило? С наступлением утра вокруг танка не было ни души...

Прошло уже 48 часов, как танк находился во вражеском окружении. Решено провести эвакуацию. И вот, когда буксировочные танки готовились выскочить на помощь Астахову из роуци, в которой они прятались, точно из-под земли вырос сам Астахов.

Он успел. Успел предупредить, что танк окружен минными полями и выводить его сейчас нельзя. Сначала с этим сообщением послал Махалева и уже в последнюю минуту покинул танк сам. Вскоре появился раненный осколком мины Махалева. А еще через несколько часов вышел из леса старший сержант Киреев. Он сбился с пути и двое суток бродил по лесу.

Вот все они снова в сборе. Сидят в большой хате на полу, на брезенте, и любовно, кропотливо чистят механизмы танкового оружия. Точь-в-точь такими я их видел на Урале, в цехе Кировского завода, на сборке танков: они в тот день перебирали да смазывали пулеметы, проверяли танковые приборы.

– Ну, как, будут работать? – спросил тогда заглянувший в цех директор завода Зальцман.

– Будьте уверены! Раз из ваших рук да в наши руки – заработают классически!..

...Батальонный комиссар, военкор Александр Поляков расстается со своими героями. Пятерка КВ прошла с боями первые пятьдесят километров и движется дальше на запад. Полякову предстоит Ржев... Но он обещает читателям «Красной звезды» новую встречу: «Мы еще расскажем об их делах, об отважном лейтенанте Астахове, весельчаке Дормидонтове, неустрашимом Константинове, обо всех, кого мы узнали на пути от Урала до Старой Руссы».

И обещание свое сдержал. Правда, повод был невеселый: Поляков узнал, что сожжен заживо героический экипаж танка Калиничева – один из славной пятерки КВ.

Сроднившийся с танкистами, Поляков не мог смириться с мыслью, что нет Женьки Дормидонтова, весельчака и балагура, нет Калиничева, Шишова, Соловьева, Писарева...

21 мая 1942 года в «Красной звезде» появился заключительный очерк - послесловие, посвященный погибшему танку и верному другу его экипажа – героической собаке по кличке Трофей...

Часть пятая: Трофей

Началась эта история еще в зимние бои сорок второго года. Идет бой за деревню. Вот танк Калиничева из пятерки КВ врывается на задымленную деревенскую улицу, временами на мгновение останавливаясь, чтоб сделать выстрел из пушки.

И вдруг в общем хаосе боя мехвод Дормидонтов разглядел собаку, громадного пойнтера, растерянно метавшегося среди разбежавшихся немцев...

Минут через двадцать после боя расположившиеся на отдых танкисты грохнули дружным смехом – на пороге появился Женька Дормидонтов и вел того самого пса! Пес жался к танкисту.

– Ничего себе пленного отхватил! Ай да Женька!

Все рассмеялись.

– Ну так вот, ребята, – сказал Дормидонтов, – за собакой буду ухаживать я. Командир уже разрешил держать ее в батальоне.

– Тогда давай ей кличку, – предложил кто-то.

Со всех сторон, как дождь, посыпались предложения:

– «Фашист», «Бандит», «Адольф», «Гитлер», «Геббельс», – и еще ворох имен в этом роде.

– Нет, ребята, не годится, – перебил друзей Дормидонтов. – Ну разве к лицу собаке носить поганое имя? Это же оскорбление для пса!.. И не пленный он, а наш трофей. Пусть и будет Трофеем...

Прошли недели. Трофей привык к Дормидонтову, своей кличке, научился носить донесения во второй эшелон, мог притащить в зубах пулеметный диск, завернутый в тряпку, за ремень принести автомат...

Уходила пятерка в бой – оставляла Трофея на базе. Он терпеливо ждал, а когда появлялись запыленные танки, безошибочно бросался к тому, в котором был его хозяин.

Но пришел однажды день, когда с поля боя вернулось четыре танка...

Из очерка Полякова «Трофей»:

«Прошло два часа, три, десять, двенадцать, а танка Калиничева все нет и нет.

Несколько пар разведчиков-танкистов и пехотинцев ходили вперед, подбирались к вражеским позициям, но машину нигде не обнаружили – как сквозь землю провалилась.

И кто-то в батальоне вдруг предложил послать Трофея поискать машину: «Он ее издали узнает, а немцы не тронут его».

Рано утром, когда на востоке еще только-только возникала первая полоска розового света, Трофея вывели к окопу, показали на один из танковых следов, идущих в сторону противника, и сказали: «Ищи».

Через несколько часов Трофей появился на сборном пункте машин. Первого попавшегося танкиста он схватил зубами за комбинезон и стал тянуть за собой.

Разведчики Валин, Аровский и Пальченко отправились за Трофеем, потащившим их в сторону передовой. Путь собаки пролегал далее прямо к немцам, откуда изредка раздавались оружейные и пулеметные выстрелы. Идти было небезопасно.

Ребята, крадучись, поползли между мелкими кустами за Трофеем. Но не проползли и трех десятков метров, как Трофей остановил их сам. Бойцы приблизились. Перед ними лежало тело танкиста в комбинезоне, шлеме и перчатках. Это был Ваня Писарев – артиллерист из экипажа Калиничева. Писарев был весь изрешечен пулями. За пазухой у него оказались документы, записные книжки всего экипажа. Очевидно, он пробирался из танка, чтобы известить об аварии.

Трофей, сорвавшись с места, вдруг вихрем полетел в сторону немцев. Он появился через час с бумажником в зубах. Бумажник раскрыт и перед глазами разведчиков... обрывок записки с подписью командира танка Калиничева:

«...хоть сколько-нибудь. Хотя бы с Трофеем. Мы еще живы. Расстреливаем последние. Набили штук сотню гадов, но не сдаемся и никогда не сдадимся. Калиничев».

Вот когда все вспомнили об умении Трофея таскать диски, автоматы! Разведчики тут же добыли у пехотинцев один диск и завернули его в тряпку. Диск – Трофею в зубы, и пес уже знал, что ему надо делать.

Три рейса с дисками в зубах совершил к танку пойнтер. Машина находилась, очевидно, километрах в трех в глубине территории противника. В последний раз Трофей вернулся с запиской, прикрепленной к ошейнику:

«Дорогие товарищи! Спасибо вам, спасибо Трофею. Вот какая собака! Он помог нам подстрелить еще с полсотни кровавых собак. Прощайте, ребята. Последние минуты. Обливают бензином. Умрем, но победа за нами! Передайте привет родным. Трофея

*спускаем в нижний люк. Он такой, он прорвется. Прощайте.
Калиничев, Дормидонтов, Шишов, Соловьев».*

Так погиб беззаветно преданный Родине, героический экипаж танка «КВ»...»

«На счету этой маленькой группы броненосцев – пятерки, а затем четвертки «КВ» – десятки боевых подвигов. Не прошло и полгода, как пятерка «КВ» покинула Урал, а сколько изменений, сколько отнятых у врага километров и селений, сколько вмятин на броне от вражеских снарядов!

Немало горьких дней и часов пережила за эти месяцы пятерка машин лейтенанта Астахова: ранены товарищи – командир танка Чиликин, Кононов, Мацев... Убит в сражении отважный комиссар Харченко, сожжен заживо героический экипаж танка Калиничева – один из славной пятерки «КВ».

Но сколько успешных боевых операций завершило соединение, действующее на этом небольшом участке фронта, благодаря участию в них мощных танков. И теперь десятки новых танкистов – мастеров своего дела – готовит эта миниатюрная фронтовая академия, где ведущим «факультетом» является четверка «КВ»...

Так заканчивает свои очерки «От Урала до Старой Руссы» военкор Поляков.

Можно сказать, что из всех поляковских очерков эпопеи «От Урала до Старой Руссы» повезло именно этому, последнему: «Трофей» стал известной детской книжкой, вошел в знаменитую антологию «Твой друг».

К сожалению, всю историю о легендарной пятерке КВ вспоминают не часто, если не сказать больше. Очерки в «Красной звезде» и книга на их основе «Белые мамонты: история 5-ти КВ» – это все 1942 год, библиографическая редкость.

В 1975 году об этой истории вспомнили в Челябинске, героическом трудовом Танкограде. Там к 30-летию Победы был подготовлен сборник «Ради мира на земле», куда вошла публикация А.И. Ляпустина, которая так и называется «От Урала до Старой Руссы».